

Известный пушкинист, директор Института русской литературы (Пушкинский дом) Николай СКАТОВ завершает новую книгу о поэте. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей "Труда" фрагменты из этой работы, посвященные женитьбе поэта, той, с кем он связал свою судьбу...

На переходе от двадцатых к тридцатым годам своей жизни, кстати сказать, почти совпавшем с рубежом двадцатых и тридцатых годов в жизни девятнадцатого столетия, Пушкин стоял перед решением: женитьба... Женитьба как воплощение вечно-естественного закона и исполнение простой урочной обязанности всякого нормального человека: "Мне за 30 лет, — напишет он в феврале 1831 года за несколько дней до венчания, — в тридцать лет люди обыкновенно женятся. — Я поступаю, как люди, и, вероятно, не буду в том раскаиваться".

Предшествовало этому многое. Первое, так сказать, объективное обстоятельство: время пришло. Второе — субъективное: дело за ней. Кто же — она?..

...Зимой 1828 года Александр Пушкин впервые увидел Наталью Гончарову. Наконец-то: Она!

Он был первым, кто проник в суть и будущее ее красоты: ведь она была совсем юной: только только исполнилось шестнадцать лет: "Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась..." Он был ослеплен...

Но и она была ослеплена. Может быть, и более его. Еще бы: только-только выехавшая в свет шестнадцатилетняя девочка и — Пушкин!

Что же выделило Наталью Николаевну в ряду всех без исключения любвей, влюбленностей и увлечений поэта? Какова была идея этой женщины, этого удивительного, по выражению хорошо знавшей ее с детства М.Еропкиной, самородка.

Ум? Образованность? Красота? Итак — ум?

Конечно, вряд ли следует говорить о выдающемся рационалистическом уме в узком смысле. Отзывы современников и современниц очень разные: от признания неподдельного ума до упреков в недалекости, простоватости и простодушии.

"А у ней пречуткое сердце, — пишет Пушкин Нащокину в 1836 году". Явно в уверенности именно такого ума сердца, такта, понимания и прорицания ее "пречуткости" умница и сердцевед Пушкин написал жене самое большое количество своих русских писем.

Вообще любопытно отметить, что почти все его письма невесте написаны по-французски. Почти все — жене: по-русски. Верный знак полной естественности и простоты установившихся отношений. "Жена — свой брат", — скажет он в одном из писем. Да и пишутся письма жене в отличие от обычной практики пушкинских писем без черновиков: сразу — как излилось и про все, про что думалось: быт, дети, литература, политика — сразу.

Теперь — образованность? Наталья Николаевна была образованна, в меру, вполне пристойную по заведенным и диктуемым временем, положением и средней стандартам.

Справедливость требует сказать, что мать Натальи Николаевны — Наталья Ивановна тратила на обучение детей большие по своим возможностям деньги. Были и гувернеры и гувернантки. Были и очень тогда дорогие учителя. Не говоря уже о французском, юная невеста неплохо знала немецкий и английский, видимо, лучше жениха, — и через много лет сама удивлялась: как хорошо при необходимости вспомнить свой забытый английский.

Наконец — красота?

Да, вероятно, красива, судя по многим отзывам многих современников. В то же время даже красивой казалась не всем: такому, например, вроде бы знатоку красоты, как Карл Брюллов (на ее портрет не смог уговорить художника сам Пушкин.)

Пушкин увидел в Гончаровой главное — помимо ума, вне образованности, даже сверх красоты — нечто органичное и натуральное, врожденное, как гений. Уж в чем в чем, а в genialности он толк знал.

Что же? Женственность. Идеальную, светлую, чистую женственность. Которая, естественно, должна найти и находит продолжение и самое точное выражение в материнстве, и сливается с ним. Мировая, во всяком случае европейская, культура нашла и воплотила этот образ — Мадонна. Русская традиция его почти не знала. Богоматерь в русской — даже не в живописи, а в иконописи — явление иного рода.

Пушкину образ Мадонны как некий идеал женственности был почти всегда близок.

Он сразу прозрел это начало в шестнадцатилетней девочке. Прозрел и будущую прекрасную мать своих детей, что она подтвердит при жизни поэта и, может быть, еще больше после его гибели. Так что и здесь он не ошибся.

Наталья Николаевна действительно стала одной из самых замечательных русских женщин-матерей. Вся ее последующая жизнь посвящена детям. "Это мое призвание, — писала она позднее, — и чем больше я окружена детьми, тем более довольна". А детьми она была окружена плотно. Четверо пушкинских детей, ею растившихся и обучавшихся в условиях довольно, а иногда и очень жестких материальных стеснений. Любимый вариант нового замужества определялся отношением к детям Пушкина. Только беззубо-

ризненность такого отношения и решали через семь лет вопрос о втором браке — с Петром Петровичем Ланским, от которого было еще трое детей.

Еще до замужества и соответственно до материнства Пушкин обратил к невесте стихи "Мадонна":

*Не множеством картин
старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою
обитель,
Чтоб суверено им дивился
посетитель,
Внимая важному суждению
знатоков.*

Николай СКАТОВ

ПОЭТ И МАДОННА

*В простом углу моем,
среди медленных трудов,
Одной картины я желал быть
вечно зрителем,
Одной: чтоб на Меня с холста,
как с облаков,
Пречистая и наш божественный
Спаситель —*

*Она с величием, Он с разумом
в очах —
Взирали, кроткие, во славе
и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою
Сиона.*

*Исполнились мои желания.
Творец
Тебя мне ниспослал, тебя,
моя Мадонна,
Чистойшей прелести чистойшей
образец.*

Поэт находил, что на выставленной в антикварной лавке на Невском проспекте старинной копии "Мадонна" Рафаэля имеет поразительное сходство с его невестой.

И, конечно же, именно в таком внешнем облике находил выражение внутренний образ Натальи Николаевны — ее глубокая религиозность и потребность молитвы: "тогда я снова обретаю спокойствие, которое часто принимают за холодность, и в ней меня упрекали". "На вид, — вспоминал В.А.Соллогуб, — всегда она была сдержанна до холодности и вообще мало говорила". "Что поделаешь, — продолжает и как бы отвечает на подобные упреки Наталья Николаевна, — у сердца есть своя стыдливость. Позволить читать свои чувства мне кажется профанацией. Только Бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца".

Истинно: много званых, да мало избранных. Пушкин стал таким избранным. И она стала такой избранной. Отсюда же, от избранности ее — и обреченность его ей, какой не было в предшествующих видах на брак: "Что же касается меня, то заверяю Вас честным словом, что буду принадлежать только Вам или никогда не женюсь". В таком решительном деле это простое и сильное честное слово Пушкина, данное и через полтора года после первого предложения, — не то, что любовные клятвы, заверения и обещания, обильно рассыпавшиеся в письмах другим.

Моментами свадьба почти расстраивалась. Дело явно спасалось лишь пониманием и ощущением Пушкина, что, скажем, за холодными письмами невесты в Болдино стоит будущая теща, а что, по сути, он и будущая жена заодно. "Когда он жил в деревне, — рассказывает современница, — Наталья Ивановна не позволяла дочери самой писать ему письма, а приказывала писать всякую глупость и, между прочим, делать ему наставления, чтобы он соблюдал посты, молился Богу и пр. Наталья Николаевна плакала от этого".

Надо сказать, правда, что, став уже реальной тещей, Наталья Ивановна своим зятем будет быстро и решительно укрощена.

Он преодолевал (и преодолел) собственные сомнения, неуверенности и страхи. Он завоевывал (и завоевал) любовь невесты. "Она меня любит", — уже уверенно пишет он Плетневу из Болдина. Знавшая Гончаровых, Н.П.Озерова рассказывала: "Утверждают, что Гончарова-мать сильно противилась, браку своей дочери, но

что молодая девушка ее склонилась. Она кажется очень увлеченной своим женихом". Справедливость этого наблюдения подтверждается и письмом самой юной Наташи деду с просьбой о разрешении на брак с Пушкиным: "Любезный дедушка!.. Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые Вам о нем внушают, и умоляю Вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета..."

Мягкая и "навсегда покорная" Наталья Гончарова с молодости могла быть и упорной и волевой. В частности, и в том, что касается семьи. Серьезно и будучи глубоко религиозной, так сказать, религиозно смотрела на брачные узы. Много позднее она писала: "Можно быть счастливой и не будучи замужем, конечно. Но что бы ни говорили — это значило бы пройти мимо своего призвания... Замужество, прежде всего, не так

на общем фоне семейных судеб чуть ли не всех выдающихся русских писателей пушкинская, кажется, единственная счастливая.

Конечно, были свои обычные, как и у всех, неурядицы и недоумения. Конечно, была, несмотря на необычно большие литературные доходы, обычная нехватка денег. Наконец, была ревность. При этом Пушкин не стал ревнивым мужем, но очень ревнивой оказалась Наталья Николаевна. И, кажется, Пушкину это даже нравилось. "Таша, — пишет брат Дмитрий в сентябре 1831 года, — обожает своего мужа, который также ее любит; дай Бог, чтобы их блаженство и впредь не нарушалось".

Не была Наталья Николаевна пустой светской красавицей, увлеченной только балами и только разорявшей мужа нарядами. Да и наряды-то в основном оплачивала очень ее любившая и баловав-

1998 — 6 июня — с. 5

*легко делается и потом — нельзя
смотреть на него как на забаву и
связывать его с мыслью о свободе...
Это серьезная обязанность
и надо делать свой выбор в высшей
степени рассудительно.
Союз двух сердец — это величайшее
счастье на земле". Все это
близко тому, как понимал брак
Пушкин: как ответственность и как
обязанность...*

Он добивался (и добился) заверения властей и царя в своей общественной благонадежности. Он устраивал (и в общем устроил) денежные дела: долговые (в частности, существенные картонные), издательско-гонорарные (прежде всего печатание "Бориса Годунова" вследствие разрешения царя), семейно-имущественные (главным образом благодаря помощи отца).

Все это позволило подготовить почву и под свадьбу и под первоначальное свадбедение, а также ответить на многочисленные претензии и притязания тещи, вплоть до того, что приданное невесты обеспечивал жених — дело в свадбедной традиции почти небывалое.

Конечно, женитьба Пушкина становилась событием и всероссийского масштаба. Общество готовилось к нему как к спектаклю. Чуть ли не бились об заклад: состоится — не состоится. Ведь это был брак, говоря нынешним языком, звезд. Современник вспоминает, как однажды, когда в сопровождении Нащокина Пушкин с невестой приехали в Нескучный сад погулять и посмотреть вновь отстроенный театр, то "артисты, увидев Пушкина, прекратили репетицию и пока он осматривал сцену и места для зрителей, толпою ходили за ним, не сводя глаз с него, ни с невесты..."

Пушкин готовился к браку с величайшей ответственностью как к решающему в своей жизни акту. "Мои горячо любимые родители, — писал он Сергею Львовичу и Надежде Осиповне, — обращаюсь к Вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю оставшуюся жизнь". Потому и благословения у них просил, "не как пустой формальности".

В ольном и беспокойном в жениховстве Пушкин был одним — может быть, главным сомнением: ревность.

Видимо, будучи неукротимо ревнивым любовником, Пушкин готов был увидеть себя неудержимо ревнивым мужем: "Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее, но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа — эта мысль для меня — ад".

Пройдет время, и Пушкину придется "умереть за нее" и "оставить ее блестящей вдовой". Но уже без всяких адских мыслей: он сам спокойно, как герой будущей песни, ставшей народной, чужая смертный час, отдаст ей наказ, ставший последним: сколько она все-таки должна носить траур и печалиться и с кем, другим, она пусть обвенчается. Точно по этому наказу она все и исполнит. И только замуж выйдет не через завещанных быстрых два года, а после долгих семи лет.

В женитьбе Пушкин не оставлял надежд на счастье семейной жизни, ибо уже только здесь видел единственную возможность какого-то счастья вообще, хотя не обязательно рассчитывал на него.

ПОЭТ И МАДОННА

шая тетка Екатерина Ивановна Загряжская. В то же время было бы, наверное, что-то противоестественное в случае, если бы очаровательная юная женщина осталась совершенно равнодушной к нарядам и к успеху в свете, которому сам Пушкин в юности, да отчасти и в зрелые годы, отдал такую обильную дань.

Счастье семейной жизни, естественно, прирастало детьми. Вера Александровна Нащокина свидетельствует, каким Пушкин был "внимательным и любящим отцом". Она знала, о чем говорила. Сам Пушкин пишет ее мужу Павлу Воиновичу: "Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость, его окружающую".

А любовь к жене нарастала. И какая! Вот два подтверждения. Сказано вроде об одном, да поразному. Вначале, то есть в марте 1831 года: "женка моя прелесть не по одной наружности". Много позднее: "душу твою люблю более твоего лица". И еще: "Чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед Богом"...

Особенно на последних преддвулетних этапах,

не приходится даже говорить о тени пушкинской ревности. Отелло не ревнив, он доверчив — так вроде бы неожиданно сказал об "африканских" страстях знаменитого шекспировского героя сам поэт. Как известно, не Дездемона изменила Отелло, а Отелло, по сути, изменил своей доверчивости. Пушкин оказался Отелло, ни разу своей доверчивости не изменившим. "Доверие Пушкина к жене, — сообщает Д.Ф.Фикельмон, — было безгранично". То, что Наталья Николаевна вполне оправдывала это доверие, никогда не вызывая сомнения ни у кого из ближайшего окружения. Княгиня В.Ф.Вяземская готова была даже в том "отдать голову на отсечение". Более того, с приближением событий, которые стали концом, по свидетельству П.А. Вяземского, поэт, сделавшись к жене "еще предупредительнее, еще нежнее"...

Пушкин знал, что его жена безвинна, но Пушкин знал и то, что она будет терпеть: безвинно.

В конце 20-х годов Пушкин напечатал стихотворение, написанное им еще ранее:

*Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит.
И свой рисунок беззаконный
На ней бессмысленно чертит.*

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой...
Мы долго варварски чернили
картину гения, а в последнее время беззаконные и бессмысленные рисунки иной раз приобретают и прямо непогрешимый характер.

И все же в последние же годы ледяная глыба предрассудков и предвзятостей, в которой так долго была заморожена Наталья Николаевна Пушкина, начала таять, и постепенно с прежней красотой выходит перед нами создательница — прекрасный образ русской женщины-матери. Русской мадонны.